

М. ГОРЬКИЙ

ПЕПЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1983

М. ГОРЬКИЙ

ПЕПЕ

Рисунки М. Майофриса

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА 1983

Пепе — лет десять, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пёстрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, тёмная от солнца и грязи.

Он похож на сухую былинку, — дует ветер с моря и носит её, играя ею, — Пепе прыгает по камням острова с восхода солнца по закат, и ежечасно откуда-нибудь льётся его неустойчивый голосишко:

Италия прекрасная,
Италия моя!..

Его всё занимает: цветы, густыми ручьями текущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых камней, птицы в чеканной листве олив, в малахитовом кружеве виноградника, рыбы в тёмных садах на дне моря и форестьеры¹ на узких, запутанных улицах города: толстый немец, с расковыренным шпагою лицом, англичанин, всегда напоминающий актёра, который привык играть роль мизантропа², американец, которому упрямо, но безуспешно хочется быть похожим на англичанина, и неподражаемый француз, шумный, как погремушка.

— Какое лицо! — говорит Пепе товарищам, указывая всевидящими глазами на немца, надутого важностью до такой степени, что у него все волосы дыбом стоят. — Вот лицо, не меньше моего живота!

¹ Форестьер (форестьере) — путешественник-иностранец, турист.

² Мизантроп — человек, избегающий общества людей, нелюдим.

Пепе не любит немцев, он живёт идеями и настроениями улицы, площади и тёмных лавочек, где свои люди пьют вино, играют в карты и, читая газеты, говорят о политике.

— Нам, — говорят они, — нам, бедным южанам, ближе и приятнее славяне Балкан, чем добрые союзники, наградившие нас за дружбу с ними песком Африки.

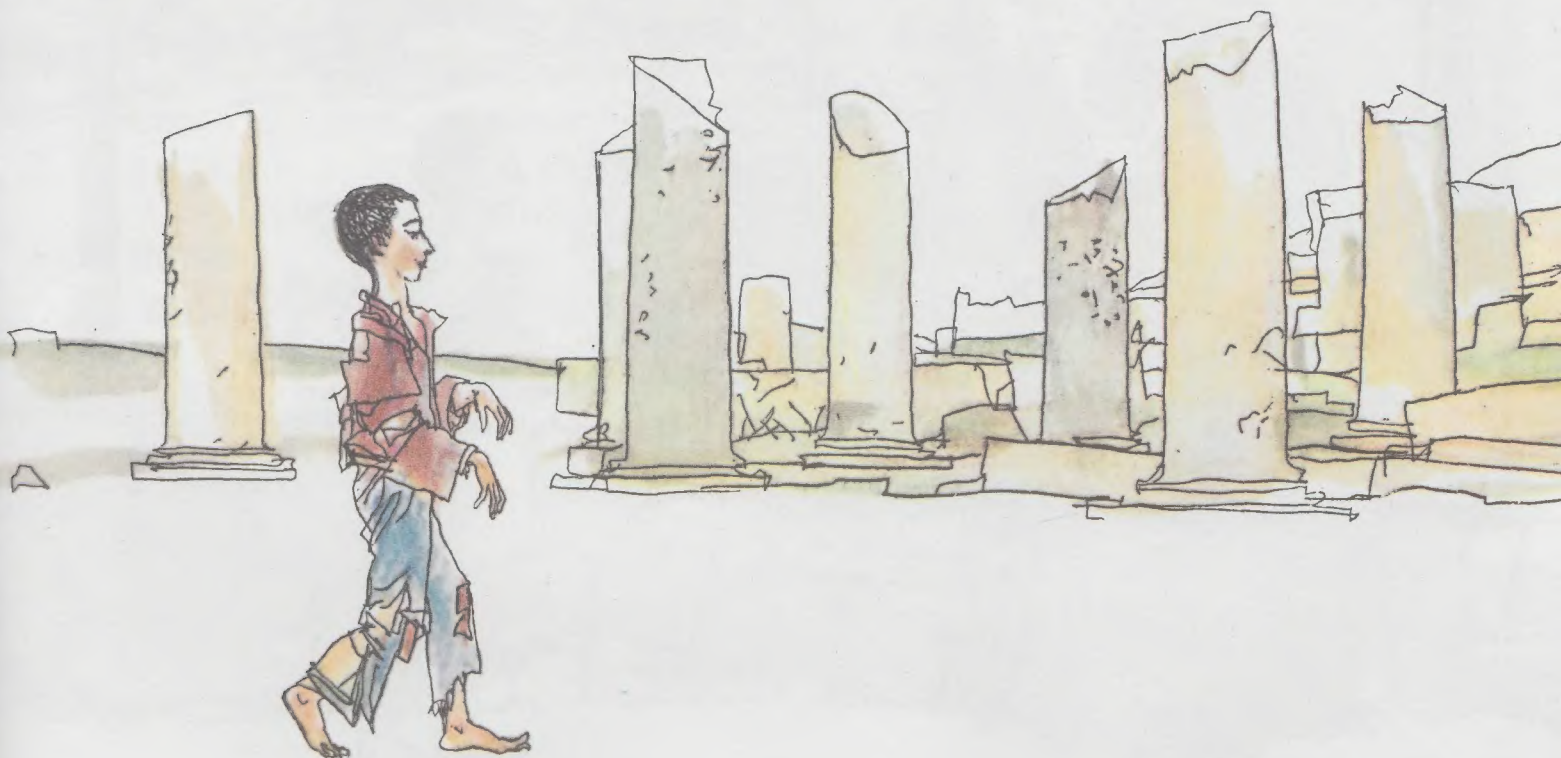
Всё чаще говорят это простые люди юга, а Пепе всё слышит и всё помнит.

Скучно, ногами, похожими на ножницы, шагает англичанин, — Пепе впереди его и напевает что-то из заупокойной мессы¹ или печальную песенку:

Мой друг недавно умер,
Грустит моя жена...
А я не понимаю,
Отчего она так грустна?

Товарищи Пепе идут сзади, кувыркаясь со смеха, и прячутся, как мыши, в кусты, за углы стен, когда форестьер посмотрит на них спокойным взглядом выцветших глаз.

¹ Заупокойная месса — богослужение при погребении покойника.

Множество интересных историй можно рассказать о Пепе.

Однажды какая-то синьора поручила ему отнести в подарок подруге её корзину яблок своего сада.

— Заработаешь сольдо¹! — сказала она. — Это ведь не вредно тебе...

Он с полной готовностью взял корзину, поставил её на голову себе и пошёл, а воротился за сольдо лишь вечером.

— Ты не очень спешил! — сказала ему женщина.

— Но всё-таки я устал, дорогая синьора! — вздохнув, ответил Пепе. — Ведь их было более десятка!

— В полной до верха корзине? Десяток яблок?

— Мальчишек, синьора.

— Но — яблоки?

— Сначала — мальчишки: Микеле, Джованни...

Она начала сердиться, схватила его за плечо, встряхнула:

— Отвечай, ты отнёс яблоки?

— До площади, синьора! Вы послушайте, как хорошо я вёл себя: сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешки, — пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я всё стерплю из уважения к синьоре, — к вам, синьора. Но когда они начали смеяться над моей матерью, — ага, подумал я, ну, это вам не пройдёт даром. Тут я поставил корзину, и — нужно было видеть, добрая синьора, как ловко и метко по-падал я в этих разбойников, — вы бы очень смеялись!

— Они растащили мои плоды?! — закричала женщина.

Пепе, грустно вздохнув, сказал:

— О нет. Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены, а остальные мы съели, после того как я победил и помирился с врагами...

¹ Сольдо — мелкая монета.

Женщина долго кричала, извергая на бритую голову Пепе все проклятия, известные ей, — он слушал её внимательно и покорно, время от времени прищёлкивая языком, а иногда, с тихим одобрением, восклицая:

— О-о, как сказано! Какие слова!

А когда она, устав, пошла прочь от него, он сказал вслед ей:

— Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я прекрасными плодами вашего сада в грязные головы этих мошенников, — ах, если б вы видели это! — вы дали бы мне два сольдо вместо обещанного одного!

Грубая женщина не поняла скромной гордости победителя, — она только погрозила ему железным кулаком.

Сестра Пепе, девушка много старше, но не умнее его, поступила прислугой — убирать комнаты — на виллу¹ богатого американца. Она сразу же стала чистенькой, румяной и на хороших хлебах начала заметно наливаясь здоровым соком, как груша в августе.

Брат спросил её однажды:

— Ты ешь каждый день?

— Два и три раза, если хочу, — с гордостью ответила она.

— Пожалела бы зубы! — посоветовал ей Пепе и задумался, а потом спросил снова:

— Очень богат твой хозяин?

— Он? Я думаю — богаче короля!

— Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?

— Это трудно сказать.

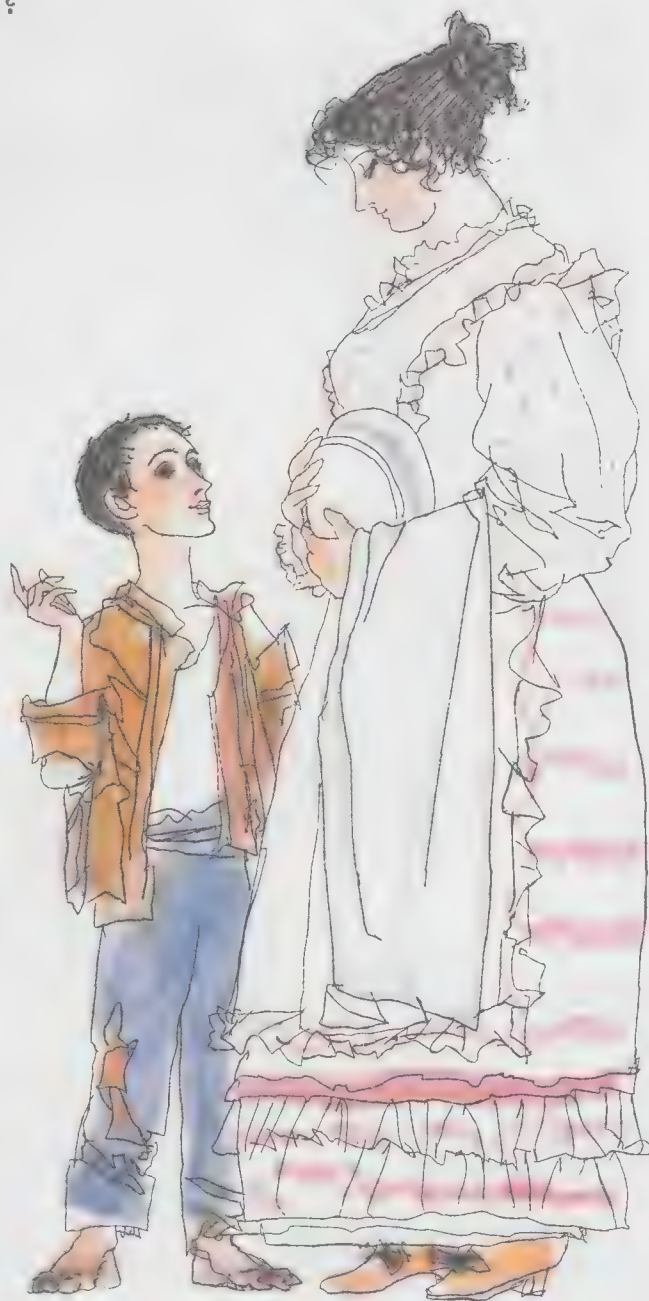
— Десять?

— Может быть, больше...

— Поди-ка, принеси мне одни не очень длинные и тёплые, — сказал Пепе.

— Зачем?

— Ты видишь — какие у меня?

¹ Вилла — богатый загородный дом.

Видеть это было трудно, — от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

— Да, — согласилась сестра, — тебе необходимо одеться! Но он ведь может подумать, что мы украли?

Пепе внушительно сказал ей:

— Не нужно считать людей глупее нас! Когда от многого берут немножко, это не кража, а просто делёжка!

— Ведь это песня! — не соглашалась сестра, но Пепе быстро уговорил её, а когда она принесла в кухню хорошие брюки светло-серого цвета и они оказались несколько длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, как нужно сделать.

— Дай-ка нож! — сказал он.

Вдвоём они живо превратили брюки американца в очень удобный костюм для мальчика: вышел несколько широковатый, но уютный мешок, он придерживался на плечах верёвочками, их можно было завязывать вокруг шеи, а вместо рукавов отлично служили карманы.

Они устроили бы ещё лучше и удобнее, но им мешала в этом супруга хозяина брюк: явилась в кухню и начала говорить самые грубые слова на всех языках одинаково плохо, как это принято американцами.

Пепе ничем не мог остановить её красноречие, он морщился, прикладывал руку к сердцу, хватался в отчаянии за голову, устало вздыхал, но она не могла успокоиться до поры, пока не явился её муж.

— В чём дело? — спросил он.

И тогда Пепе сказал:

— Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой, я даже несколько обижен за вас. Она, как я понял, думает, что мы испортили брюки, но уверяю вас, что для меня они удобны! Она, должно

быть, думает, что я взял последние ваши брюки и вы не можете купить других...

Американец, спокойно выслушав его, заметил:

— А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию.

— Да-а? — очень удивился Пепе. — Зачем?

— Чтобы тебя отвели в тюрьму...

Это очень огорчило Пепе, он едва не заплакал, но сдержался и сказал с достоинством:

— Если это вам нравится, синьор, если вы любите

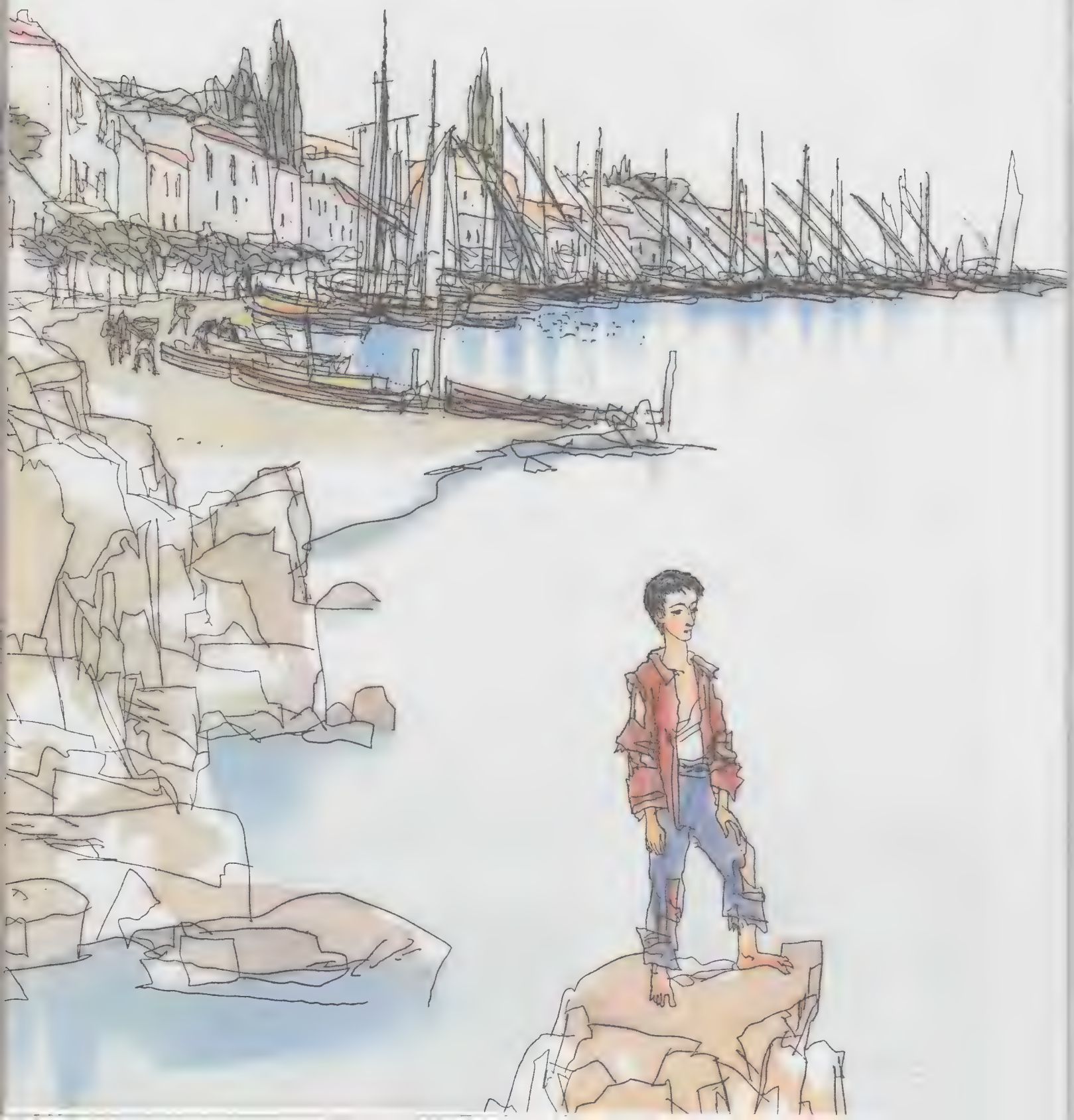
сажать людей в тюрьму, то — конечно! Но я бы не сделал так, будь у меня много брюк, а у вас ни одной пары! Я бы дал вам две, пожалуй — три пары даже; хотя три пары брюк нельзя надеть сразу! Особенно в жаркий день...

Американец расхохотался; ведь иногда и богатому бывает весело.

Потом он угощал Пепе шоколадом и дал ему франк. Пепе попробовал монету зубом и поблагодарил:

— Благодарю вас, синьор! Кажется, монета настоящая?

Всего лучше Пепе, когда он один стоит где-нибудь в камнях, вдумчиво разглядывая их трещины, как будто читая по ним тёмную историю жизни камня. В эти минуты живые его глаза расширены, подёрнуты красивой плёнкой, тонкие руки за спиною и голова, немножко склонённая, чуть-чуть покачивается, точно чашечка цветка. Он что-то мурлычет тихонько, — он всегда поёт.

Хорош он также, когда смотрит на цветы, — лиловыми ручьями льются по стене глицинии¹, а перед ними этот мальчик вытянулся струною, будто вслушиваясь в тихий трепет шёлковых лепестков под дыханием морского ветра.

Смотрит и поёт:

Фиорино-о... фиорино-о²...

Издали, как удары огромного тамбурина³, доносятся глухие вздохи моря. Играют бабочки над цветами, — Пепе поднял голову и следит за ними, щурясь от солнца, улыбаясь немножко завистливой и грустной, но всё-таки доброй улыбкой старшего на земле.

— Чо! — кричит он, хлопая ладонями, пугая изумрудную ящерицу.

А когда море спокойно, как зеркало, и в камнях нет белого кружева прибоя, Пепе, сидя где-нибудь на камне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду: там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мелькают креветки⁴, боком ползёт краб. И в тишине, над голубою водой, тихонько течёт звонкий, задумчивый голос мальчика:

О море... море...

¹ Глициния — вьющееся растение с душистыми лиловыми цветами.

² Фиорино — цветочек.

³ Тамбурин — итальянский музыкальный инструмент, напоминающий бубен.

⁴ Креветка — род мелкого морского рака с длинным брюшком, съедобный.

Взрослые люди говорят о мальчике:

— Этот будет анархистом¹!

А кто добрей, из тех, что более внимательно присматриваются друг к другу, — те говорят иначе:

— Пепе будет нашим поэтом...

Пасквалино же, столяр, старик с головою, отлитой из серебра, и лицом, точно с древней римской монеты, мудрый и всеми почитаемый Пасквалино говорит своё:

— Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше! Очень многие верят ему.

¹ Анархист — здесь: человек, не подчиняющийся власти, своевольный.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Алексей Максимович Горький
ПЕПЕ

Художник М. Майофис

ИБ № 1369

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Т. Щептева. Корректор С. Бланкштейн. Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.01.82. 60×90/8. Офс. № 1. Печ. офс. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 14,0. Уч.-изд. л. 2,29. Тираж 600 000 экз. Изд. № 4745. Заказ 1778. Цена 20 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Г 4803010102—049
М102(03)—83 50—83